

Опыт о развращающем обучении. Ах, это высшее образование...

*Процесс... нравственного воздействия для меня пока загадочен, и я не вижу еще направления, в котором мы могли бы искать его обнаружения.
Ф. Ф. Зелинский.*

I. К постановке проблемы

Обратиться к воспитательной проблематике меня побудил комментарий к одной из прежних статей, опубликованных в «Русском журнале». Один читатель упрекал меня в недооценке воспитательного значения литературы. Если угодно, это развернутый запоздалый ответ. Для того чтобы выстраивать (или не выстраивать) воспитательную работу, нужно, по крайней мере, адекватно оценивать инструменты, которые есть у нас в руках. И сама по себе эта мысль, и те, которые будут высказаны ниже, — по большей части банальны. Но, как это часто бывает, мы считаемся с банальностями, когда приходится отвечать на конкретные вопросы, и тотчас же забываем о них, как только обращаемся к общим положениям и принципам.

Подавляющее большинство русских педагогов согласились бы со словами Михаила Никитича Муравьева — попечителя Императорского Московского университета, воспитателя Великих Князей Александра и Константина Павловичей и одного из самых образованных людей своей эпохи: *«Все возможные знания делают человека, приобретшего их, только сожаления достойным, если не могли они облегчить ему пути к добродетели. Истина проста народная, но которая должна быть неизмеримо напечатлена в сердцах юных любителей мудрости»* [1]. **Мысль о преимуществе «воспитания сердца» сравнительно с «воспитанием ума» — одна из констант русской педагогической мысли.** Сколько упреков посыпалось на нашу школу в недавнюю эпоху, когда принцип воспитания перестал быть ведущим (пусть только на официальном уровне). И — по крайней мере у нас — все это не может не вызывать удивления: в России больше верных долгу солдат, монахов праведной жизни и даже честных интендантов, нежели людей, способных к серьезной умственной работе, опирающейся на багаж глубоких познаний. Подчеркну: эта позиция вызывает у меня не осуждение, а удивление. Готов отдать должное добродетелям сердца и сам, конечно же, предпочту доброго человека умному и подлому — но сложность образовательных задач нельзя оценивать, исходя из этого в общем-то умозрительного противопоставления.

Подойдем к вопросу с немного другой стороны. Можно выдвинуть такой тезис: в пятнадцать лет (десять, семь, два, за два года до рождения) задача воспитания уже становится безнадежной. Можно выдвинуть и противоположный: воспитанию поддается и пятидесятилетний зрелый муж, и семидесятилетний старец. Каждая из этих реплик имеет свою справедливую сторону: важно только понимать, чего мы хотим от воспитания. **Пересоздать созданное природой мы не в состоянии; несколько отшлифовать полученный материал в состоянии почти всегда; но как же трудно отличить созданное природой от прилипшего и наносного.** И сколько соблазнов приходится при этом преодолевать! Полагаю, например, что не только автору этих строк встречался в жизни ученический тип обаятельного оболтуса? Он достаточно сообразителен, чтобы не создавать себе лишних проблем, и тратит свои умственные ресурсы прежде всего на то, чтоб школа не слишком отравляла ему жизнь. Каких успехов, — думает преподаватель, — достиг бы такой ученик, обладай он усидчивостью и усердием! И воспоминания подскажут, каков в этом случае финальный результат...

Конечно, если под нравственным воспитанием мы подразумеваем заучивание наизусть нескольких максимум, проблема серьезно упрощается: давления со стороны общества будет достаточно для того, чтобы нам их отбарабанили наизусть, но дальше?

А дальше получается вот что. Это прекрасно описал тот же Ф. Ф. Зелинский (то, что речь идет об истории, вполне понятно: в глазах присяжных воспитателей от педагогики это самый лакомый предмет, и читатель мне простит опущение нескольких легко и однозначно восстанавливаемых звеньев цепочки рассуждений) [2]: *«Ставлю вопрос ребром: желательно ли, чтобы преподавание истории пробуждало в ученике любовь к*

тому народу, к которому он принадлежит, к тому государственному строю, при котором ему придется действовать? Отвечаю: да, желательно, — и уверен, что все здравомыслящие люди без различия партий в этом принципиальном ответе со мною согласятся. Ведь любовь, настоящая разумная любовь, не должна быть слепой, не должна закрывать своих глаз на недостатки любимого предмета, напротив: она учит нас их видеть и внушает нам желание их исправления.

Итак, повторяю: да, это желательно. Весь вопрос в том, как этого достигнуть (...). У покойного боярина Бермяты было на этот счет — если верить его биографу Островскому — очень простое средство: „издать приказ“. Да, конечно; издавать приказ, чтобы преподавание истории внушало ученикам патристические и верноподданнические чувства. (...) Итак, господа преподаватели, вот вам инструкция; извольте ею руководиться — и результаты не заставят себя ждать.

Да, разумеется; но какие? А вот какие.

1) Карьеризм у преподавателей. От них требуют, чтобы их чувства выливались в определенную форму; несомненно, что это требование куда легче будет исполнить Реганам и Гонерильям, чем Корделиям. (...) Искренняя любовь стыдлива; она возмущается, когда от нее требуют того, что она с радостью готова была исполнить добровольно (...).

2) Инквизиционное у контролирующей власти. (...) И все-таки худшее еще впереди. Это

3) Недоверие учеников. (...)

Итак, если я отношусь отрицательно к требованию, чтобы преподавание истории внушало ученикам патристические и гражданские чувства, то не потому, чтобы я считал этот результат нежелательным, — совершенно напротив, — а потому, что я в оценке предлагаемого средства держусь истинной психологии Шекспира и Островского, а не лубочной (...). Но если это средство не годится, то какое же годится? Как достигнуть того, чтобы преподавание истории внушало ученикам здравые патристические и гражданские чувства?

Отвечу: никак. От начальства зависит лишь устранение препятствий, которые лишают эмоциональную часть преподавания главного залога ее влияния на умы — добровольности; остальное будет зависеть от личности преподавателя. Требовать от него можно только того, что касается интеллектуальной части его преподавательской работы — а именно, чтобы он держался в преподавании строго научного духа, духа правдивости и справедливости; а затем — сейте семена правды и веруйте, что они дадут урожай добра».

Аналогичные мысли высказывает Зелинский и о литературе [3]: «Что же, скажут мне, по вашему, значит, школа должна отказаться от всякого воздействия на учеников в сторону социально-политического благоразумия? Мм. гг., я не менее вас желаю, чтобы этот пагубный период скитания мысли для нашей молодежи окончательно прекратился, и не менее вас убежден, что школа может этому содействовать; но для этого ей следует помнить, что аксиома о прямой линии, как о кратчайшем пути — правильна в геометрии, а не в педагогике. Школа может внушать своим питомцам дух научности и этим предохранять их от скороспелых суждений и от преклонения перед хлесткой фразой; но если она станет навязывать им готовые убеждения, то она достигнет цели, противоположной той, к которой она стремится».

II. Лирическое отступление. О послушании

Если бы культурные условия развития нашей школы были нормальными, книга Зелинского, откуда я сделал столь пространные выдержки, была бы настольной у всех, кто хоть как-то связан с педагогикой. Но до такой нормализации нам еще далеко. В ожидании перемен к лучшему на культурном фронте можно задаться двумя вопросами: 1) насколько актуальны соображения, высказанные Зелинским, в современном культурно-педагогическом контексте, и 2) что изменилось бы, если бы инквизиционный инструментарий, описанный Зелинским, удалось осложнить механизмом серьезных и немедленных последствий — воспитательной симфонией, которую играют непосредственно на коже ученика (этот сочтем чисто риторическим)?

На рубеже XIX–XX столетий молодежь была — массово — нонконформистской. Это протекало именно как болезнь молодого возраста (юные максималисты довольно быстро перековывались в чиновников без особых гражданственных устремлений, чутких лишь к собственному благу), **но болезнь носила эпидемический характер**. Сейчас с нонконформизмом мы сталкиваемся далеко не так часто — он не то чтобы маргинален, но лицо молодежи не определяет. И падение нонконформизма хронологически связано с

настойчивыми попытками государства вернуть школе воспитательные функции. Значит ли это, что Зелинский посрамлен?

Автору этих строк в свое время доводилось участвовать в нескольких Конкурсах школьной прессы в качестве эксперта. Один год такой работы (2005) пришелся на юбилей Великой Отечественной войны. Соответственно у меня была уникальная возможность увидеть (на репрезентативном материале), каким образом старшие формулировали свои призывы, а молодежь на них откликнулась. Впечатления поучительны; ими стоит поделиться.

1. Молодежь наша очень послушна. Она с жаром восприняла все эти призывы и бросилась как расспрашивать ветеранов, так и сама создавать военно-патриотические тексты.

2. Результаты расспросов, как правило, не давали никаких сведений не только о самой войне, но и о ее мифологии. Исследовательская их ценность, за несколькими очень немногочисленными исключениями, — ноль.

3. Тексты о войне были выдержаны в самом «высоком» риторическом регистре, какому только учили в школе, — т. е. представляли собой чистую и неумелую "трескотню" (для того чтобы сказать «подчеркнуто неумелую», все же нет оснований).

Каждый метр земли пропитан кровью,
Каждый метр и даже пядь земли
Был усыпан трупами солдат.

Иногда — с элементами непонимания пишушим того, что он пишет:

Как жалко, что была она —
Несправедливая война.
Как много времени отняла
Она от ратного труда [4].

И, наконец, 4. Вывод. Никакого личного участия во всем этом не было. **Последняя война для молодежи — на эмоциональном уровне — значит лишь чуть больше, чем победы царя Гороха над объединенной армией мышей и лягушек.** Все воспитательные усилия ушли в песок. Просто они были нейтрализованы конформистской техникой, куда более изощренной, нежели дореволюционная неконформистская (возродившаяся было в перестроечную эпоху). В основе же поведения лежит то, что и прежде, — желание устроиться в жизни и добиться личного и семейного благополучия. Просто оно проявляется раньше, чем у дореволюционных сверстников. Акселерация, что поделать. У Зелинского есть все основания смеяться с высоких небес над своими сегодняшними оппонентами.

III. И все-таки школа воспитывает. Что именно?

Но — вопреки Зелинскому — механизмы школьного воспитания можно попробовать описать. Хотя бы потому, что школа воспитывает не своим сознательным инструментарием, — он чрезвычайно скуден и неэффективен, — а самим фактом воздействия на личность. Она воздействует не одна, воздействует разнопланово, — поскольку в школе много разных людей, и ничье влияние в конечном итоге не равно нулю, — но никак нельзя сказать, что в нравственном смысле пребывание в ее стенах проходит для ученика бесплодно.

И здесь уместно напомнить еще об одной мысли Зелинского — талантливо отстаивая классическую гимназию, он не выступал противником ни одной другой образовательной модели — кроме единой общеобразовательной школы. Будучи максимально неэффективна как транслятор знаний, она хуже других справляется и с воспитательными проблемами.

Нам уже приходилось писать на страницах РЖ о вреде культурной однородности. Любая специализированная школа (кадетский корпус, благородный пансион, духовная семинария) транслирует культурные установки и жизненный уклад своей среды. Она в состоянии это делать эффективно — во-первых, ее влияние более сосредоточенно, во-вторых, она будет это делать в согласии с семьей. В некоторых современных школах налажена передача младшему поколению жизненных установок научного сообщества — в этом тоже нет ничего невозможного. Но та культурная модель, какую призвана воспроизводить общеобразовательная школа, в природе не существует и является химерой — фантазией социалистических и прогрессистских кругов XIX века; ее разрушительное значение было велико, и ее жертвами действительно стали все жизненные уклады, которые воспроизводились в сословно-корпоративных школах; но поставить на их место что-то

ценное и самостоятельное она была, конечно же, не в состоянии [5].

Читатель вправе спросить: а стоит ли ставить знак равенства между «воспитанием сердца», которое было исходной точкой статьи, и воспроизведением жизненного уклада? Не стоит, конечно; но это вещи связанные — «сердце» только и может проявляться в рамках усвоенных нами культурных форм.

Само по себе «сердце» относится к вещам непредсказуемым и непосредственному наблюдению практически недоступным; культурные формы — к вещам предсказуемым и возможным. Потому косвенное воздействие на человеческую душу — именно через культурные формы и их передачу — один из самых мощных воспитательных инструментов, какими мы только можем располагать. Причем как в положительном, так и в отрицательном смысле. В частности, если педагог находится внизу социальной лестницы, то — поскольку его статус ассоциируется у учеников со статусом образованности как таковой — воспитательный результат его работы именно для представлений об образовании может оказаться катастрофическим. Конечно, этот эффект может быть преодолен на уровне личности педагога; но для этого нужна едва ли не святость, причем святость не аскетически сурового, а легкого, веселого, жизнеутверждающего типа. Понимаю, насколько я уязвим в данном пункте для обвинений в бессердечии и социал-дарвинизме, но повторюсь: само появление в классе угрюмой, озлобившейся на весь мир за свою низкую зарплату и плохо одетой Марьиванны катастрофично для детских представлений об образовании.

Потому, на мой взгляд, неплохо, когда в школу приходит человек, финансово от нее независимый. Занятия со школьниками для него могут быть хобби или исполнением гражданского долга; их будет не так много, чтоб ученики сливались в толпу, где ни имен, ни лиц уже не различить, а сам его жизненный уклад будет вызывать у учеников здоровое любопытство. **Присутствие в школьных стенах выходцев из непедагогического мира будет положительным фактором не только с образовательной, но и с воспитательной точки зрения.**

Но, — это следует повторить, — настоящего воспитательного воздействия общеобразовательная школа оказать не в состоянии. Потому она поступит разумно, если сузит поле своей деятельности. Школы национальные, религиозные, математические, гуманитарные, кадетские корпуса будут всегда в выигрышном положении — как за счет единства культурного воздействия, так и за счет согласия с родителями.

Примечания.

1. Муравьев Н.М. Сочинения. Т. II. 1856. С. 329–330.
2. Из жизни идей. Т. 2. Древний мир и мы. Лекции, читанные выпускникам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. профессором С.-Петербургского университета Ф. Зелинским. Издание второе, дополненное пояснительными экскурсами. СПб., 1905. С. 238 слл. Все, что касается конкретной ситуации, нами опущено.
3. Из жизни идей. Т. 2. Древний мир и мы. Лекции, читанные выпускникам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. профессором С.-Петербургского университета Ф. Зелинским. Издание второе, дополненное пояснительными экскурсами. СПб., 1905. С. 299.
4. Впрочем, в скобках, такое непонимание — явление довольно обычное. Не так давно на зубок ехидного интернет-сообщества попал юноша, употребивший словосочетание «десница ока», а в дореволюционном педагогическом журнале мы столкнулись и с «денницей ока».
5. Сознательно оставляю без рассмотрения вопрос о возможном воспитательном конфликте между школой и семьей. Конечно, приоритет семьи, для меня несомненный, ограничивается педагогической беспомощностью многих семей и даже их желанием, чтоб школа брала на себя — за отсутствием у семьи такой возможности и таких умений — воспитательное бремя. И тем не менее подрывать родительский авторитет школе не следует почти ни в каком случае.

Алексей Любжин

Автор: Артур Скальский © Русский журнал ОБРАЗОВАНИЕ, МИР 4262 08.01.2010, 13:55 644

URL: <https://babr24.com/?ADE=83200> Bytes: 16163 / 15983 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)